

Приложение к № 245 газеты «Великолукская правда»

Две страсти: математика и литература

3 (15) января 1850 – 29 января (10 февраля) 1891

ЕСЛИ ТЫ В ЖИЗНИ...

Впервые опубликовано в журнале «Женское дело» (1899, № 2).

Если ты в жизни хотя на мгновение Истину в сердце твоём ощутил,
Если луч правды сквозь мрак и сомнение Ярким сиянием твой путь озарил:
Что бы в решение твоём неизменном Рок ни назначил тебе впереди,
Память об этом мгновенье священном Вечно храни, как святыню, в груди.
Тучи сберутся громадой нестройной,
Небо покроется черною мглой,
С ясной решимостью, с верой спокойной Бурю ты встреть и померься с грозой.
Лживые призраки, злые виденья Сбить тебя будут пытаться с пути;
Против всех вражеских козней спасенье В собственном сердце ты сможешь найти;
Если хранится в нем искра святая, Ты всемогущ и всеисполнен, но знай,
Горе тебе, коль врагам уступая, Дашь ты похитить ее невзначай!
Лучше бы было тебе не родиться,
Лучше бы истины вовсе не знать,
Нежели, зная, от ней отступиться,
Чем первенство за похлебку продать,
Ведь грозные боги ревнивы и строги, Их приговор ясен, решение одно:
С того человека и взыщется много,
Кому было много талантов дано.
Ты знаешь в писанье суровое слово:
Прощенье замолит за все человек,
Но только за грех против Духа Святого Прощения нет и не будет во век.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПЕВЕЦ

Неизвестный певец внезапно умолк, и этот отрывок песни без начала остался и без конца. О, какой невыносимой показалась мне в этот момент внезапно наступившая вокруг меня тишина. Мне казалось, что какие-то струны моей души, звучавшие в унисон с музыкой, внезапно порвались. Я помню, как еще много дней спустя, эта едва уловимая мелодия непрестанно меня преследовала; независимо от моей воли она ежеминутно звучала в моих ушах.

Иногда мне удавалось восстановить отдельные слова, отрывки фраз, концы мелодии. Казалось – еще одно усилие, и вся песня восстановится в моей памяти.

Но в следующее мгновение все снова спутывалось, и тайный смысл этой позабытой песни навсегда останется для меня загадкой, ключ к которой мной утерян.

Не такова ли будет судьба и нашей встречи, о мой мимолетный друг?

Не будет ли эта встреча подобна вспышке молнии, которая блеснула мне на мгновение, чтобы сейчас же снова погаснуть и оставить меня в темнице?

Ведь простой случай нас свел, и случай нас снова разлучил. Наше прощанье было таким холодным, таким церемонным.

Был, несомненно, момент, когда мы оба почувствовали себя такими близкими, такими схожими, так необходимыми друг для друга. Но ни слова не было произнесено, мы оба в этот момент как будто онемели.

И вот, хотя ни одно слово не было произнесено, хотя ни одна слеза не пролилась, хотя никакой видимой и материальной связи не существует между нами, почему же мне все-таки кажется таким противоестественным, что мы сейчас разлучены?

Я, вероятно, привыкну к вашему отсутствию. Вначале ваш образ часто будет меня преследовать и мучить как нерешенная проблема.

Но постепенно он будет становиться все более неясным; наконец, он совершенно изгладится, и мое сердце покорно смирится под игом холодного и полного равнодушия, к которому оно уже так приучило себя.

Русский математик и механик, с 1889 года иностранный член-корреспондент Петербургской Академии наук. Первая в России и в Северной Европе женщина-профессор и первая в мире женщина – профессор математики.

Ковалевская была не только гениальным математиком, но и прекрасной писательницей. Её автобиографическая повесть, романы «Нигилистка» и «Сёстры Раевские» свидетельствуют о её большом литературном даровании; она также писала стихи.

В последние годы жизни Софья Васильевна мечтала о серьёзной литературной деятельности. В ней соединились две страсти: математика и литература, и до конца своей жизни она так и не могла решить, к чему больше тяготеет.

В своих стихах Софья Ковалевская оставила наставления талантливым потомкам – идти вперед и никогда не сдаваться.

ГРУНЯ

Начитавшись жития святых мучеников, Груня постоянно занята одной мыслью: как подражать им. В мечтах она часто рисует себе картину пыток и казни. Эта мысль повсюду преследует ее; в лучах пылающего заката ей видится багровое сиянье костра. Большая площадь кишит народом, весь воздух оглушен колокольным звоном; Груню в траурной одежде ведут на казнь. Бестрепетно, с крестом в руках, она всходит на костер и перед смертью говорит народу: Дух Святой речет ее устами; весь народ взволнован, потрясен, но жаркое пламя вмг охватывает ее, и ангелы уносят ее душу на небо; ликование на небесах.

Готовится святым страдальческий венец.
И сердце бьется в ней при мысли, что, быть может,
И ей такой на долю выпадет конец.
Повсюду мысль ее преследует и гложет,
Как пальмы вечные сподвижников святых –
Себе стяжать; нередко пылкое мечтанье
Рисует ей картину мук и пыток злых.
По вечерам в лучах заката огневых
Ей грезится костра багровое сиянье.
Ей слышен гул колоколов, цепей бряцанье,
Оружья звон; народом площадь вся полна.
Ее ведут на казнь, спокойна и ясна
Восходит Груня на костер; в руках распяты
Одежды мрачные; ни стоны, ни проклятья,
Господний дух ее невидимо крепит.
Господний дух речет ее устами.
Пред казнию к народу Груня говорит.
И, – потрясен ее могучими словами,
Народ в безмолвии рыдает и дрожит.
Толпа покаяться, уверовать готова,

Но вспыхнул ярко вдруг костер, и дым багровый
Обвился вокруг нее; мучений краткий миг,
Стенанье слабое, один предсмертный крик,
И кончено уж все, и длинной вереницей
Летят уж ангелы за чистою душой,
Кругом нее все свет, все ангельские лица,
Навстречу ей пахнуло райскою струей.
Уж рай пред ней святые двери отверяет...
Но вдруг рассеялась мечта, и Груня замечает,
Что это все один пустой, горячий бред.
Кругом все прежнее; на небе догорает
Заката яркого последний бледный след.
И долго Груня все с поникшей головою
Сидит перед окном печальна и грустна.
И ночь идет с своею мрачной пеленою,
Над кладбищем восходит яркая луна.
Могили и кресты рисуются так живо
В ее причудливых, серебряных лучах.
Стрекозы шумные трещат в траве болтливо,
И соловей поет в сиреневых кустах.

ПРИШЛОСЬ ЛИ...

Впервые напечатано в журнале «Вестник Европы» (1892, № 2). С.В. Ковалевская сама сделала перевод этого стихотворения на французский язык для своего друга математика Фрида Леффлера.

Пришлось ли раз вам безучастно,
Бесцельно среди толпы гулять
И вдруг какой-то песни страстной
Случайно звуки услышать?

На вас нежданною волною
Пахнула память прежних лет,
И что-то милое, родное
В душе откликнулось в ответ,

Казалось вам, что эти звуки
Вы в детстве слышали не раз,
Так много счастья, неги, муки
В них вспоминалось для вас.

Спешили вы привычным слухом
Напев знакомый уловить,
Хотелось вам за каждым звуком,
За каждым словом уследить,

Внезапно песня замолчала,
И голос замер без следа.
И без конца и без начала
Осталась песня навсегда.

Как ненавистна показалась
В тот миг кругом вас тишина,
Как будто с болью оборвалась
В душе отзывная струна!

И как назойливо, докучно
Вас все напев тот провожал;
Как слух ваш, воле непослушный,
Его вам вечно повторял!

Вот выступали из забвенья
Размер, слова, обрывки фраз,

И вам казалась на мгновение
Вся песнь понятною для вас,

Но вдруг опять все уносило,
И так осталось навсегда
Загадкой то, что говорилось
В той песне, смолкнувшей без следа...

Ужель и наша встреча с вами
Бесследно также промелькнет?
Блеснула миг перед глазами
И вновь во мраке пропадет.

Нас случай свел, и, может, снова
Нас тот же случай разведет,
И равнодушно и сурово
Друг другу скажем мы: прости!

Что что-то в нас звучит родного,
Нам вдруг почудилось на миг;
Но не сказали мы ни слова,
Как будто скован был язык,

И так без слез, без сожаленья
Разлуку можем мы принять,
И лишь порою из забвенья
Ваш образ будет воссоставлять.

Как будто в дымку облеченный
Ко мне он будет приходить
И все загадкой нерешенной
Меня тревожить и дразнить.

Пока из памяти не сгладит время
Когда-то милые черты,
И сердце вновь покорно примет бремя
Холодной вечной пустоты.

<13 АПРЕЛЯ>

Стихотворение не закончено. Оно было найдено в числе других («Груня», «Жалоба мужа») среди бумаг С.В. Ковалевской. Впервые опубликовано в книге: Ковалевская С.В. Воспоминания. Повести. М., Наука, 1974.

Вот весна; теплом пахнуло.
И конец зиме холодной.
Лед прошел, раскрылись реки,
И Нева течет свободно.
Дождь и солнце друг за другом
Угощают пешехода.
Говорят, непостоянна,
Как апрельская погода.
Вечера, концерты, балы
Надоест уже успели.
И теперь другие думы
На душе у всех засели.
О деревне да о дачах
Всюду слышны разговоры.
В хлопотах отцы семейства,
Всюду счёты, шум да сборы.
Но престранно и прегрешу
Создала меня природа.
Жалко мне зимы суровой,
И весенняя погода
В нервах с болью возбуждает
Порыванья и томленье.
Не прельщает меня вовсе
Эта светлая погода,
И весны душистой, свежей
Не люблю я приближенья.
В теле вялость, в чувствах смута
И в крови тогда брожение.
С порываньями поладить
Воля слабая не может,
И червяк какой-то тайный
Сердце гложет, гложет, гложет.
В голове так много мыслей
Неотвязчивых, унылых.

Вспоминаешь все невольно
О разлуке, о могилах.
Как на зло еще к тому же
Мимо нашего жилища
Все покойников провозят
На Смоленское кладбище.
Только выглянешь в окошко,
Вот везут уже два гроба.
Сколько мрет их в эту пору!
Просто смех берет и злора.
Нет, статистика не даром
Очень точно вычисляет,
Что весна к самоубийствам
Всех людей располагает.
Если мне придет охота
Счёты кончить все с собою,
То, наверно, это будет
Не иначе, как весною.
Это солнце, эта нега...
А в душе так больно-жутко.
Верно, Лермонтов весною
Назвал жизнь пустою шуткой.
Сказка старая на память
Неотступно мне приходит.
Кто герой, кто героиня,
Где та сказка происходит,
Я сама сказать не в силах.
Вижу дом просторный, древний,
Сад запущенный тенистый,
Видно, барская деревня.
У открытого балкона
Вся семья сидит за чаем.
Воздух, в комнату врываясь,
Пахнет свежестью и маем.

Самовар шипит уныло,
И скрипят часы стенные.
Вокруг свечки суетливо
Вьются бабочки ночные.
По стенам проходят тени.
Так причудливо, так странно.
Из дверей соседней залы
Льются звуки фортепьяно.
Вот герой и героиня
Тихо в сад с балкона сходят.
По аллеям темным сада
Рука об руку проходят.
Оба молодые, счастливы,
Смех беспечен их и звонок.
Он едва оставил школу,
И она почти ребенок.
Жизнь влечет, манит обоих,
Оба чувствуют так живо.
Жизни, страсти и волненья
Оба ждут нетерпеливо.
Бродят все они по саду
В бесконечных разговорах.
Сколько прелести и счастья
В этих толках, в этих спорах.
Занимают их вопросы
О значении народа,
И слова волнуют
Равноправность и свобода.
О себе, о личном счастье,
О любви – они ни слова,
Их уста хранят стыдливо
Тайну сердца молодого.
Но слова тут и не нужны,
Без того так чувства живы,
И полна душа так счастьем,
И кипит так кровь бурливо.
Что на сердце у другого –
Без того ведь каждый знает.
И в устах их речь невольно
Тихо гаснет, замирает.
Так идут они в молчанье

По дорожкам темным сада,
Незаметно обвеваает
Их вечерняя прохлада.
Шепот трепетный проходит
В листьях тополи душистой,
И конца нет соловьиной
Трели звонкой, серебристой.
Но другую уж картину
Вижу я перед глазами.
Церковь сельская простая
Вся блестит, горит огнями.
Вот идут жених с невестой,
Стали вместе у наложья.
И обводит их священник
Вокруг церкви за собою.
У крыльца уже карета
Новобрачных ожидает,
Вот уж сели – понеслися,
Только пыль столбом взлетает.
Все знакомые местечки
Промелькнули чередою,
Лип тенистая аллея
С глаз сокрылась за горою.
Старый сад и пруд, и рожи
Вдалеке уж все остались,
Лишь на башенке старинной
Флаги ярко развевались.
На горе стоит дом старый,
Ярким светом весь облитый,
И глядит вслед за четою
Так угрюмо, так сердито.
Окна блещут и сияют,
Словно очи огневые,
Но не жалко героине
Оставлять места родные.
И не мил ей, и не дорог
Вид родимого селенья,
Вызывая он в ней только
Неприязнь и озлобленье.
Вспоминаются ей годы
Жгучих, страстных порываний,

И борьбы, глухой и тайной,
И подавленных желаний.
Перед ней картины рабства
Вьются мрачной вереницей,
Рвется вон она из дома,
Словно пленник из темницы.
Вот теперь пора настала
Променять мечты на дело,
И вперед она взирает
Так уверенно, так смело.
Не пугает ее вовсе
Незнакомая дорога.
В ее сердце много веры
И надежд в душе так много.
Но опять передо мною
Изменилась картина.
Город чистенький немецкий.
Замок – старая руина.
Горы мягких очертаний,
Зелень сочная каштана –
Все подернуто прозрачной,
Синей дымкою тумана.
Океан кругом зеленый,
Небо синее так ярко,
И на небе прихотливо
Видны башни, видны арки.
А в долине, меж горами,
Город старый и ученый,
Опоясан весь садами,
Словно лентою зеленой.
Цельный день души не видно
В перелуках запустелых,
Но в них вечером мелькают
Много шапок красных, белых;
Псы огромные прохаживают
Оглушают громким лаем.
Этот город для студентов
Настоящим служит раем
И зовется не напрасно
Он рассадником науки.

СТИХОТВОРЕНИЕ В ПРОЗЕ

Я видела сон: я была на бере-
гу моря, в незнакомом обществе.
Я разговаривала с каждым,
смеялась и говорила разный
вздор, так что все думали: «Какое
веселое, радостное, беззаботное
существо». Потом все разош-
лись, и я осталась одна на опу-
стелом берегу.
Солнце уже село, и начинало
смеркаться; воздух был такой
душный, что казалось, что вот-
вот силы не хватит для дыхания.
Какие-то белые облака, как
снежные хлопья, заволанивали
небо.
Der Himmel war so trube,
So schwiille war die Nacht,
So ganz wie unsere Liebe,
Zu Thränen nur gemacht*.

Так душна была ночь,

Совсем как наша любовь,
Возникшая только для слез
(нем.).
Издали все ближе и ближе до-
носился рев моря. Я все шла впе-
ред.
Сначала мне попадались за-
поздалые пешеходы; но мало-по-
малу берег все больше и больше
пустел. Проходящий мимо рыбак
сказал мне: «Возвращайтесь ско-
рее, сударыня, прилив приближа-
ется». Но я ответила, весело сме-
ясь: «Еще успею».
Я все шла вперед. Все громче
и громче доносился рев воды.
Море расстилалось предо мной,
как темно-стальная масса, по ко-
торой только то там, то сям про-
бегали белые гребни волн.
Уже настолько стемнело, что
нельзя было ясно отличить, где

кончается берег, где начинается
море. Мои ноги вязли в мокром
песке, но я все шла вперед.
Ветер дул мне в лицо, вспо-
минались мелодии, которые в
детстве наигрывала моя мать,
мои любимые стихи мне приходи-
ли на память, математические
теоремы с поразительной яс-
ностью выступали в моем уме –
мне становилось все веселее и
веселее.
Я совершенно забыла, где я
нахожусь и зачем сюда пришла.
Вдруг громадная волна разби-
лась у самых моих ног, обрызгав
меня с ног до головы.
Меня внезапно охватил испуг,
чудовищный, непреодолимый.
Я вдруг внезапно постигла
весь ужас насильственной смерти.
Мне мучительно страстно за-

хотелось жить, хотя бы в несча-
стии, в унижении, в презрении у
всех, но только бы жить.
Я побежала и стала кричать,
звать на помощь – было уже
слишком поздно.
Тяжелая волна догнала меня
и сбила с ног. Я продолжала
биться, бороться против не-
избежности, все еще безумно на-
деясь, веря в возможность спасе-
ния, пока громадный вал не пере-
катил мне через голову, тихо шеп-
нув мне на ухо:
.....
* Небо было так пасмурно.

ШУТОЧНОЕ ПОСЛАНИЕ В.О. КОВАЛЕВСКОМУ

Мой друг! Вот целых две недели ежечасно
Тебя я жду и мучаюсь, – но все напрасно!
Зову, пишу фольянты, злюсь, но мне в ответ
Ни самого тебя, ни писем твоих нет.
Наскучило мне ждать и злобствовать часами,
И вот решилась я попробовать стихами
Тебя, злодей, усюветить и устыдить,
И чувства верности супружеской внушить.
Как видишь, бес мой или муза из когтей
Не хочет выпустить совсем души моей.
Забыв поваренную книгу, интегралы,
Магистерство и Кюркина дифференциалы,
Я рифмоплетствую, бешусь и каждый час
Душою уношусь раз десять на Парнас.
Из пыли, где они покоились годами,
Тетрадки старые с забытыми стихами
Достала Юля раз; их вид напомнил вновь
Старинные мечты, забытую любовь.
И вот моей я музе поклонилась снова
И на нее Минерву променять готова.
Права пословица, как видно, хоть стара,
Которая гласит: qui a rime – rimer *.
Но это предисловие. Я начала писать,
Чтобы сказать тебе: мне очень скучно ждать.

У нас покойно все, не ссоримся; друг другом
Довольны все пока. Полковница с супругом
Твердит весь день вокабулы, но, ах! пока
Ему, как кажется, наука не легка.
Папашу Юрик обогнал, хоть это худо;
Но про него согласны все: он просто чудо!
Маркиза наша, tante Фифи,
Два раза в день свои меняет кушаки;
А математик юный все мечтает
Об Эрбере и вишни славно пожирает.
За карты мы и Юлю нашу засадили
И всем премудростям молчанки научили.
Но к картам у нее, увы, талант плохой.
И от Анюты достается ей порой.
Твоей смуглянке скучно, мужа ожидает,
Раз десять в сутки на дорожку выбегает.
Собаки лай, бубенцов звонких дребезжанье
В ней возбуждают трепет ожиданья,
И вновь бежит она и, обманувшись вновь,
Клянёт мужей неверных и любовь.

* кто писал стихи – будет писать (франц.).

Палибино. 18-е июля.

ХАМЕЛЕОН

Хамелеона ты знаешь с детских лет.
Когда он сидит одинокий в своем углу,
Он кажется таким невзрачным, некрасивым,
Серым. Но при хорошем освещении он
может быть и красивым.
У него нет собственной красоты, он только
отражает все, что видит вокруг себя
хорошее и прекрасное...
Он может переливаться золотым,
зеленым, синим. Каковы его друзья,
таким же будет и он.
В этом животном, мне кажется,
я вижу свое подобие. Мой милый
друг, куда бы ты ни пошла, я
всегда точно следую за тобой;
я не отстаю, я никогда не отступаю.
Если имеешь друга, как ты,
Приходится платить за эту честь,
ты пишешь, пишешь красками et cetera
Для меня это пустяки, patatas! *
Но, помилуй бог! Теперь ты хочешь
еще и стихи писать?!

* Бух! хлоп! (франц.).

ЖАЛОБА МУЖА

Уже давно мне надоело
Слышать жалобы и стоны,

Как судьба печальна женщин,
Как неправы к ним законы!
Нет, поверьте, что страдальцы
Не они – а мы, мужчины!
Сколько в жизни мы семейной
Терпим горя и кручины,
Как тяжка нам наша доля –
Это каждый муж вам скажет.
Но, надеюсь, моя повесть
Это ясно вам докажет.
Юность я провел не скучно,
Как мужчине подобает.
За собой грешков невинных
Кто из вас, друзья, не знает?
Красотой, вином, любовью –
Всем успел я насладиться.
Наконец, пришлось сознаться,
Что пора, пора жениться.
На беду ж мою девицу
Встретил я – очарованье!
Молода, умна, красива,
Просто чудное создание!

Устоять никто не мог бы,
Ну, конечно, я влюбился...
Все в ней мило было – только
Грех один за ней водился:
Заразилась вредным духом,
Разных книжек начиталась
И на все мои моления
Долго, долго не сдавалась.
Говорила мне упорно:
«Молода я – погодите,
Прежде выучусь – потом уж
За ответом приходите.
В жизнь тогда вступлю я с му-
жем
Смело, с равными правами».
Я в ответ на эти речи
Пожимать лишь мог плечами.
Но глазок ее искрился
Так задорно и так мило.
Оказалось от плутовки
Не хватало в сердце силы.
Вижу я: нужна уловка,

Тут уменье, хитрость надо.
И поддельваться начал
Я к девицыному складу.
Говорю ей: «Вместе с другом
Вам работать легче будет».
За такой обман невинный
Вряд ли кто меня осудит?
... Так твердил я на все тоны,
В увереньях рассыпался,
И невольно сам восторгом
Вместе с нею проникался.
Наконец, она сдалась,
И сбилось мое желанье.
Я назвать женой законной
Мог прелестное создание.
Но напрасно этим думал
Я спокойствия добиться.
Скоро мне пришлось горько
За ошибку поплатиться.
Оказалось, что бедняжка
Все за правду принимала,
Что со мной она до свадьбы

О правах своих болтала.
И теперь ждала от мужа
Пренаивно выполненья
Тех обетов, что жених ей
Дал в порыве увлеченья.
Ах, друзья мои, признаться –
Перетрусил я невольно,
Как услышал, что толкует
Обо всем она так вольно.
Нет, бедна с женой ученой.
Муж – не жди себе почтенья.
Отвечай на все расспросы,
Разделяй ее сомненья.
И отделаться не думай,
На «дела» сославшись прямо.
Объясни ей, в чем же дело,
Пристает к тебе упрямо.
Вижу я – не будет толка,
Приздумался тревожно.
Вижу сам, что браважничать
Надо с нею осторожно.

Подвиг «Великолукского Сусанина»

(Изучение и мемориализация подвига Матвея Кузьмича Кузьмина)

(Продолжение. Начало в № 223)

Учащиеся Лычевской восьмилетней школы Великолукского района, находящейся вблизи от родных мест М. Кузьмина, тоже взялись за собирание материалов о своем земляке. «Подвиг Кузьмина», писал впоследствии тогдашний ее директор В.Я. Лобицкий, — факт общеизвестный, но как-то недооцененный по достоинству и забытый. Восстановить детали подвига и сделать их достоянием всех советских людей — такую задачу поставил коллектив Лычевской школы...». Изучение началось с ознакомления с имеющимися материалами — сообщением Советского Информбюро от 24 февраля 1942 г., корреспонденциями Б. Полевого, донесением очевидца подвига, комиссара 31-й курсантской бригады полковника А.М. Вершуты, хранящимся в фонде Великолукского краеведческого музея, и др. Затем начался поход по местам подвига — по бесконечным оврагам и болотам, на месте гибели М. Кузьмина школьники установили временный обелиск, встречались с очевидцами событий 20-летней давности, сыном героя Василием Кузьминым, его дочерью Екатериной Матвеевой, бывшим командиром отделения автоматчиков, принимавшим непосредственное участие в уничтожении отряда фашистов, — К.А. Баранниковым, в школе оформили специальный стенд, а затем уголок, посвященный М. Кузьмину. За несколько лет поисков уголок превратился в настоящий музей, в котором помимо документов появились некоторые личные вещи патриота (подарки родственникам и внукам, обучающимся в школе — Саши и Любы Кузьминых, Володи Иванова), рисунки и сочинения школьников, в которых художественно раскрывался подвиг М. Кузьмина. На встречи, как правило, собирались все школьники, приходили многие родители, приглашались представители общественности, в годовщину подвига — 14 февраля, проводилась военная игра, вошел в традицию прием в пионерии и комсомол у обелиска павшего героя.

Все это сыграло немалую роль для уточнения ряда моментов, вплоть до мельчайших «крупниц», и вносило в рассказ о подвиге М. Кузьмина все новые и новые подробности, которые были неизвестны ранее. Вот что рассказывал на основе результатов поисковой работы новый директор Лычевской восьмилетней школы А.А. Варфоломеев: «Колхозник артели имени Чапаева (ныне артель «Красное знамя») Кузьмин Матвей Кузьмич в ночь с 13 на 14 февраля 1942 г. решил перевести на саночках в деревню Першино семью дочери Екатерины, оставшуюся в опасной зоне. В помощь себе старый колхозник взял сына Василия. Незадолго до рассвета в километре от деревни Куракино Кузьмины неожиданно натолкнулись на немецкую разведку. Гитлеровцы задержали их. Немцы искали человека, знающего здешние места, — им нужен был проводник-предатель, который смог бы их тайно под покровом ночи провести в расположение советских войск. Офицер обещал большую награду. В случае отказа он пригрозил старику расстрелом.

Задумался Матвей Кузьмич: «Отказаться сразу — убьют ни за что ни про что. Нет, так слишком дешево и просто будет! Я их поведу, обязательно поведу в тыл наших войск, но поведу... на погибель. Вот только как предупредить, чтобы сумели подготовить достойную встречу фашистам?». Для отвода глаз старик еще поторговался несколько минут, а сын его Василий незаметно скрылся и помчался выполнять поручение отца, чтобы предупредить советских бойцов об опасности. Прошел час, другой...

— Ну что же, теперь можно и отправляться в путь, — сказал Кузьмин немецкому офицеру, — я вас проведу по тем местам, где и зверь не ступал.

«Все должно решиться время, — слышал Матвей Кузьмич, проводя немецкий отряд по заросшему кустарником оврагу. — Васятка уж, наверное, на подходе к нашим».

Долго водил старый колхозник фашистов по оврагам, кружил среди кустарников. Предупрежденные 14-летним Васей Кузьминым подразделения наших войск подготовились к встрече врагов.

И вот забрезжил рассвет последнего дня Матвея Кузьмина. Наступило утро 14 февраля.

Один из советских бойцов в бинокль увидел приближающихся немцев, а впереди отряда старого Матвея, за которым следовал офицер с пистолетом в руке. Выбившись из сил, потерявшие ориентировку, немцы неожиданно оказались под губительным пулеметным огнем...».

Сын Героя Василий с семьей

Далее рассказ А.А. Варфоломеева в основном повторял сказанное ранее, а завершил он свое повествование так: «Там, где разыгрались в февральские дни 1942 г. эти героические события, на месте полусгоревших деревень сейчас высятся корпуса Великолукского кирпичного завода, главная ферма и теплицы колхоза «Красное знамя», детские ясли, Лычевская восьмилетняя школа. Следы военных лет, следы героического подвига М. Кузьмина оставили свои военные неизгладимые отпечатки. Такое не забывается». А в заключение директор рассказал о поисковой работе учеников Лычевской школы: «На одном из пионерских соборов в Лычевской школе кто-то из ребят предложил: «Давайте пойдём по следам подвига нашего земляка, будем собирать новые материалы о нем». Предложение было единодушно поддержано. С тех пор прошло уже более трех лет. Много нового узнали пионеры из уст родственников Матвея Кузьмича, с ними были проведены встречи в клубе «Хочу все знать!». Побывал в гостях у лычевских школьников и Василий Матвеевич Кузьмин, тот самый, который предупредил советских бойцов в феврале 1942 г. Сейчас он работает на Великолукском мелькомбинате. Все исторические материалы накапливаются в школьном краеведческом музее. Здесь бережно хранится рассказ Б. Полевого «Последний день Матвея Кузьмина», переписка с участниками освобождения г. Великие Луки, удалось достать копию сообщения Совинформбюро, где впервые было сообщено об этом героическом подвиге. Есть альбомы с фотографиями походов по местам боевой славы...».

Огромную роль в восстановлении истинной картины подвига М. Кузьмина сыграли воспоминания предстателей командования бывшей 31-й курсантской стрелковой бригады, которые оказались его очевидцами, — комиссара бригады А.М. Вершуты и командира отделения автоматчиков К.А. Баранникова: «14 февраля 1942 г. на рассвете в боевое охранение 2-го батальона, занимавшего оборону Макоедово, Першино, Баталиха, из деревни Куракино, находившейся в нейтральной зоне, — рассказывал А. М. Вершута, — прибыл сын колхозника Матвея Кузьмича Кузьмина и сообщил, что он послан отцом предупредить: в деревню Куракино прибыл отряд немцев, и они собираются вести наступление. Команда приблизительно в 35 чел. Впоследствии выяснилось из показаний пленного офицера, что это был передовой отряд лыжного немецкого батальона, который имел задачу — снять наше боевое охранение и обеспечить внешнюю атаку Макоедова как главного пункта обороны, захватить пленных и при успехе смять левый фланг обороны. С этой целью немцы заставили старика Матвея скрытно провести эту команду к нашему боевому охранению и в дальнейшем к Макоедову.

Сын его Василий был доставлен в штаб и после проверки были приняты меры к встрече врага. В 7 час. утра появился отряд немцев, а впереди его шел сам старик. Он вел немцев так, что они были на виду у нас. Когда немцы попали в ловушку, бойцы Красной Армии, жалея старика, не стреляли в группу офицеров, двигавшихся за ним. Вот в это время и закричал Матвей Кузьмич: «Товарищи! Стреляйте в меня, не жалейте, но бейте немецких гадов!»

Дальше ничего не сказал, был выстрелом в затылок убит немецким офицером. Из этой команды никто не ушел живым. После немцами был открыт артогонь по Макоедову, и главные силы пошли в наступление, но из них мало кто вернулся в Великие Луки. На поле боя немцы оставили 250 убитых солдат и офицеров. Патриотический, геройский подвиг Матвея Кузьмина не только спас многим советским воинам жизнь, но сорвал кровавый

замысел врага, сорвал угрозу левому флангу наших войск...».

Немало интересных подробностей сообщил в своих воспоминаниях К.А. Баранников: «Второй стрелковый батальон занял оборону на линии деревень Куракино — Макоедово — Малкино — Пулово. Центром обороняющихся было Макоедово, крупный населенный пункт, разбросанный на высотах и скатах. В Куракине разместилось боевое охранение... в деревне Пулово командир батальона лейтенант Николай Кулаковский разместил свой командный пункт. Здесь же обосновался и наш взвод батальонных автоматчиков...». Затем группа бойцов, в которой оказался и К.А. Баранников, была для доставки патронов и гранат направлена в Куракино, где в одной из изб они впервые увидели М. Кузьмина. «Старик подошел к нам и со всеми поздоровался за руку, не называя своей фамилии, — рассказывал К.А. Баранников. — Скупой свет плашек-мигалок помог нам рассмотреть его. Это был человек с морщинистым лицом, реденькой бородой и усами, с доброй улыбкой приветливых глаз. На плечах его был поношенный полушубок, на голове — шапка-ушанка.

— Что же вы, батя, не уходите из деревни? Ведь тут оставаться опасно, — обратился к нему Илья Степанов.

Старик вздохнул, обвел глазами избу, солдат, взводного.

— А куда я, парень, пойду? Стар уже, не выдержу большого пути, да и ребятишек оставлять жалко.

— А ребятишки чьи? — спросил я, показывая на вихрастые головы, высунувшиеся с печи.

— Это мои внучата, сегодня хочу увезти их в другую деревню, ну, а потом и сам куда-нибудь определюсь.

Затем старик, не торопясь, рассказал нам, как жили «под немцем», о виселицах, которые довелось ему видеть на центральной площади города, о том, как взрывались и горели немецкие склады, о листовках подпольщиков, о партизанах, действовавших под Великими Луками...». После этого старик рассказал бойцам, как лучше пройти до Макоедова, а К.А. Баранников продолжил свое повествование:

«Утро 14 февраля не предвещало ничего тревожного. Мела поземка, зарывавшая и без того чуть заметную дорогу. Наше патрульное отделение остановилось на гребне высоты, откуда угадывались очертания деревни Малкино, а с другой стороны виднелись макоедовские улицы.

— Смотри, кто-то бежит по бугру, — предупредил зоркий Легунов. — Степанов, узнай в чем дело.

Степанов вскоре вернулся к нам и сообщил:

— Связой. Он говорит, что в Малкино пришел местный житель и уверяет, что немцы сегодня будут наступать. Нам тоже приказано быть наготове. Отделение расположилось цепью на высоте, где мы решили встретить рассвет и врага...

Прошло несколько минут, наступал рассвет. И тут за густым дымом горевших стогов сена мы увидели пробирающихся к Малкино немцев. По их медленному движению было видно, что они порядком устали, измучились, тащась по глубокому снегу. Поодаль от передовой группы двигались основные силы фашистов.

— Пожалуй, не меньше роты, — определил Александр Бузыканов, — смотри, все болото заполонило.

Впереди отряда гитлеровцев шел знакомый нам куракинский старик. Он долго

водил немцев по оврагам и лощинам, а вывел туда, где поджидали их наши пулеметчики. Стараясь привлечь наше внимание, дедушка махал своим треухом и что-то кричал.

Шквальный огонь тут же обрушился на цепь гитлеровцев. Они пытались скрыться за высоту, но пули и там настигали их. А старик? Он стоял с непокрытой головой, и ветер трепал его редкие седые волосы. Старый человек, конечно, знал, что сын его Василий успел предупредить своих об опасности. Уж очень дружно стреляли наши пулеметы, четко бухали винтовочные залпы. Уцелевшие от огня гитлеровцы, наконец, поняли, кто виновник их гибели. Офицер поднял пистолет и выстрелил старику в затылок. Тот упал, а вместе с ним рухнул в снег, скошенный пулей, и сам гитлеровский офицер. Потрясенные мужеством старого человека, его героической смертью, мы молча меняли диски автоматов и яростно продолжали бой. Немцы перестроили свои поредешние ряды и бросились через высоту в направлении Макоедова...».

На воспоминания К.А. Баранникова опирался при написании статьи о подвиге М. Кузьмина журналист С. Яковлев, а полностью они были опубликованы в центральном военном журнале.

Материалов о подвиге М. Кузьмина накапливалось все больше, выходили о нем публицистические и научные статьи, публиковались воспоминания, сочинялись стихи, рассказ Полевого «Последний день Матвея Кузьмина» был включен в программу начальной школы (в учебную книгу для 4-го класса), а сам подвиг на государственном уровне все еще никак не был отмечен: никаких посмертных наград народный Герой не удостоился. По-прежнему не было увековечено имя героя и в родных местах. Сыграло, видимо, свою роль то, что вплоть до своей гибели М. Кузьмин так и остался единоличником, не вступив в колхоз (хотя во всех публикациях его называли колхозником), а уже после этого не знали, к кому его причислить: он ведь не был ни партизаном, ни подпольщиком, ни бойцом Красной Армии, являясь простым русским крестьянином. Но жизнь настоятельно диктовала необходимость оценить подвиг М. Кузьмина по достоинству.

И вот, в год 20-летия Победы в Великой Отечественной войне бюро Псковского обкома КПСС 26 апреля 1965 г. рассмотрело вопрос о представлении к правительственным наградам большой группы бывших партизан и подпольщиков (135 чел.), в списке их была и фамилия и М.К. Кузьмина, который представлялся к званию Героя Советского Союза (посмертно). В подготовленной для этого справке отмечалось, что «М.К. Кузьмин родился в 1856 г. в деревне Куракино Великолукского района Псковской области, где прожил всю свою жизнь, занимаясь сельским хозяйством. Во время коллективизации одним из первых вступил в колхоз, несмотря на преклонный возраст принимал активное участие в общественном труде. Вскоре после начала Великой Отечественной войны деревня Куракино оказалась на территории, временно оккупированной немецко-фашистскими захватчиками. В январе 1942 г. в результате контр наступления частей Красной Армии в районе Великих Лук М.К. Кузьмин из нейтральной зоны, где находилась деревня Куракино, перебрался с семьей на освобожденную территорию. 13 февраля 1942 г., когда он с сыном В.М. Кузьминым помогал перевозить из нейтральной зоны имущество своей дочери, его задержал немецкий разведывательный отряд, командир которого потребовал от М. Кузьмина скрытно провести отряд в расположение советской части.

(Продолжение на стр. 8)

Обновленный обелиск на Малкинской высоте

Подвиг «Великолукского Сусанина»

(Изучение и мемориализация подвига Матвея Кузьмича Кузьмина)

(Продолжение. Начало на стр. 7)

М. Кузьмин согласился и на рассвете 14 февраля вывел на позиции наших войск. Фашистский отряд был встречен ураганным огнем и весь уничтожен. Немецкие офицеры, поняв, что отряд попал в ловушку, застрелил М. Кузьмина. Немцы двинули в бой батальон пехоты, но вынуждены были отступить, оставив на поле боя 250 чел. убитыми. Таким образом, в результате самоотверженного подвига М. К. Кузьмина коварные замыслы врага были сорваны...».

Решение о награждении М.К. Кузьмина последовало очень быстро: 8 мая 1965 г. был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Матвею Кузьмичу Кузьмину «за особые заслуги, мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны», звания Героя Советского Союза (посмертно).

Высокая оценка подвига дала толчок к новым шагам в деле увековечения памяти М.К. Кузьмина. Коллектив Лычевской школы уже в 1963 г. поднимал вопрос о присвоении ей имени М. Кузьмина, что поддерживалось общественностью колхоза и коллективом кирпичного завода. Но лишь после присвоения М. Кузьмину звания Героя Советского Союза он сдвинулся с места. 28 мая 1965 г. бюро Псковского обкома КПСС, рассмотрев представление Великолукского райкома партии, ходатайствовало перед Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Советом Министров РСФСР о присвоении Лычевской восьмилетней школе имени М.К. Кузьмина. Одновременно было принято предложение Великолукского РК КПСС об установке мемориальной доски на месте гибели М.К. Кузьмина в бывшей деревне Малкино и утвержден ее текст: «Здесь 14 февраля 1942 г. героически погиб 86-летний колхозник Матвей Кузьмич Кузьмин, повторивший подвиг Ивана Сусанина. За особые заслуги, мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны М.К. Кузьмину присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Вечная слава герою!».

Обелиск на Малкинской высоте был установлен и торжественно открыт уже 18 июля 1965 г. Митинг открыл секретарь Великолукского райкома КПСС Е.П. Макеенко, который приветствовал детей, внуков и правнуков М. Кузьмина, а также прибывшего из Рыбинска бывшего командира отделения автоматчиков 31-й курсантской стрелковой бригады К.А. Баранникова, еще раз поведавшего о том, как ловушка, в которую завел непрошенных гостей советский крестьянин, помогла нашим частям сорвать коварные планы фашистского командования. Секретарь Псковского обкома КПСС Н.С. Черепухин подробно рассказал о том, как ушел в бессмертие М. Кузьмин, затем с обелиска было снято покрывало. Выступили также председатель артели «Красное знамя» М.В. Юшин, от трудящихся Великих Лук – рабочий ПВРЗ А.В. Орлов, председатель совета пионерской дружины Лычевской школы З. Николаева. У подножия обелиска в торжественной обстановке вручили ордена и медали группе великолукчан – участников Великой Отечественной войны. Большой митинг в тот же день проходил и в Зеленой зоне Великих Лук, где был зачитан Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении М.К. Кузьмину звания Героя Советского Союза, грамота об этом была вручена детям Героя – Василию Матвеевичу, Ивану Матвеевичу и Алексею Матвеевичу, дочерям Лидии Матвеевны и Екатерине Матвеевны, которую они передали на хранение Великолукскому музею.

В том же году проезд Ориглодово в Великих Луках, отходящий от улицы Малышева к деревне Лычево, был назван улицей Матвея Кузьмина, заменили и текст надгробной плиты на братском воинском кладбище, который стал следующим: «Герой Советского Союза Кузьмин Матвей Кузьмич, колхозник из деревни Куракино, повторивший подвиг Сусанина в феврале 1942 года в боях за освобождение города Великие Луки от немецко-фашистских захватчиков. 1856–1942». Могила М.К. Кузьмина находится в юго-восточной части кладбища, в 8 метрах слева от главной дороги, и представляет собой земляную насыпь, огражденную поребриком, в центре ее – стела из железобетона с мемориальной доской.

Увековечена была память о М. Кузьмине и в Москве: в 1965 г. на одной из станций метрополитена был установлен памятник. Станция эта появилась в столице в 1944 г. и несколько раз меняла название:

сначала она именовалась «Измайловский парк культуры и отдыха имени Сталина», затем «Измайловская», «Измайловский парк», а в 2005 г. была переименована в четвертый раз, получив название «Партизанская». Произошло это в год 60-летия Победы в Великой Отечественной войне по инициативе председателя Совета ветеранов Москвы В.И. Долгих, т.к. Измайловский парк был и остается местом встречи ветеранов партизанского движения, да и оформление станции как нельзя лучше соответствует этому: в зале ее были установлены скульптурная группа «Партизаны», памятники Зое Космодемьянской и Матвею Кузьмину. Автором их является известный скульптор М.Г. Манисер. М. Кузьмин изображен в полный рост, гордо стоящий на постаменте, в одной руке он держит дубинку, другую прикладывает к области сердца, в ногах его лежит вещевый мешок. Взгляд старика отведен в сторону, он уверенно и вдумчиво смотрит вдаль. Окладистая борода, подпоясанная бечевой рубашка, грубая обувь, верхняя одежда – овчинный тулуп. Весь его образ пропитан благородством и русским духом; чело-

Барельеф с изображением подвига М. Кузьмина на стеле «Великие Луки – Город воинской славы»

век из народа, он не ступал в момент опасности и положил свою жизнь за Отечество. По заявлению потомков М. Кузьмина, дед на себя здесь совсем не похож, скорее всего, это образ собирательный, а скульптура первоначально была «бесымянной». Только позднее у подножия ее установили табличку, на которой написано, что «Герой Советского Союза Матвей Кузьмич Кузьмин 14 февраля 1942 г. повторил героический подвиг Ивана Сусанина в битве за Москву». У знающих людей это вызвало законное недоумение: где Москва, а где Великие Луки?!

Но главное все же в том, что о Матвее Кузьмине знают благодаря этому памятнику не только на родине, но и в столице.

Признание подвига М.К. Кузьмина и его мемориализация породили серию новых публикаций о нем. Почти сразу после опубликования Указа Президиума Верховного Совета СССР в серии «Золотые звезды земли Псковской» в областной газете был помещен обширный очерк «Он был патриотом». «Под самыми Великими Луками уютно расположилась деревня Куракино, – писал автор. – Опрятные, чистые домики, утопающие в зелени садов... Здесь, в этой деревеньке, жил Матвей Кузьмич Кузьмин. Здесь, в этих местах, 86-летний русский крестьянин совершил свой беспримерный подвиг, повторив воспетый потомками поступок Ивана Сусанина. ...

Жил Матвей Кузьмин у всех на виду. Старшее поколение односельчан сохранило воспоминания о нем. Старик из деревни Куракино Константин Григорьевич Новиков рассказывает:

– Дом Кузьминых был всегда открыт для людей. Мы нередко собирались сюда, чтобы послушать рассказы о гражданской войне, о победных походах Красной Армии под командованием К.Е. Ворошилова, С.М. Буденного, легендарных героях – Чапаеве, Котовском. За рассказами далеко

ходить было не надо. Многие из нашей деревни с оружием в руках отстаивали Советскую власть...

Матвей Кузьмич страстно любил жизнь, всегда тянулся к людям, к знаниям. Ему не довелось окончить ни одного класса сельской школы, но познания Матвея Кузьмича были широкими и разносторонними. Крестьяне часто советовались с ним, дорожили его мнением. Особенно он интересовался историей Русского государства, литературой, географией...

Занимаясь хлебопашеством, Матвей Кузьмич развивал у односельчан благородные чувства дружбы и взаимопомощи. Он умел связать сани, сколотить телегу, отремонтировать плуг, любая работа выходила ловко и славно. А когда односельчане решили сообща вести хозяйство, первым подал заявление в колхоз Матвей Кузьмин. Председателем колхоза избрали его сына Ивана: он работал на Великолукском паровозовагоноремонтном заводе, колхозники просили его откомандировать, как коммуниста.

Матвей замечал все неполадки в колхозе, больше всего доставалось сыну – он

дельная курсантская бригада подполковника Горбунова. Курсанты закрепились в районе деревень Шляхтино, Рыжково, Макоедово, Першино, Баталиха, Момино, Стрижково, Абашкино и в течение нескольких дней стойко отражали натиск врага, пытавшегося вернуть утраченные позиции. Соседние пригородные деревни Куракино, Шедяково стали в это время нейтральной зоной, но жители их всеми способами старались перебраться к своим освободителям, чтобы не попасть снова под власть фашистов.

Одним из первых ушел в советский тыл из деревни Куракино 85-летний колхозник Матвей Кузьмич Кузьмин. Он вместе с сыном Василием поселился временно в Першине, а вот его старшая дочь Екатерина по-прежнему оставалась в опасной зоне. Крепко беспокоился старый человек за судьбу дочери и особенно ее малолетних детей.

– Пропадут, – говорил он Василию, – надо выручать, а то нагрянут фашисты – не избежать беды.

Февральской студеной ночью они отправились в путь. Дул сильный ветер, наметавший сугробы, скрипел под ногами искристый снег, тут и там взлетали к небу ракеты и гремели взрывы, но путники как будто не замечали этого. Они спешили.

Транспорт у них был немудреный: простые деревенские саночки, на которых дети обычно катаются с гор. Много ли перевезешь на них? И все же Кузьмины сумели вывезти кое-что из самых необходимых вещей Екатерины. Главное семью ее, детишек, доставали в целости и сохранности к своим, в деревню Момино. Вот и во второй рейс отправились отец с сыном.

Опять с теми же саночками, только с другой целью: привезти хлеба и картошки, припрятанных Екатериной под полом своей хаты и в других потайных местах. По-прежнему дует холодный ветер, метет густая поземка, поскрипывает снег под ногами. И ракеты по-прежнему описывают в воздухе большие огненные дуги. Скоро рассвет. Но ничего, успеем, сказал старый Матвей сыну, когда они пришли в деревню Шедяково, расположенную почти рядом с Куракином. Тут их и схватил передовой отряд немецкого лыжного батальона, выступивший в ночной поход для того, чтобы снять боевое охранение курсантов и обеспечить внезапную атаку главного пункта обороны бригады.

– Зольдат? Партизайнт?! – грозно спросил гитлеровский офицер у Василия, рванув его за ворот.

Старик загородил сына и стал уверять: – Он хворый, больной, ваше благородие, мы здешние, в этой деревне живем, и хата наша тут вот недалеко.

Отпустив Василия, офицер пристал к старому Кузьмину:

– Говори, старик, где красные? Есть они в Малкине?

Потом предложил уже более дружелюбно:

– Проведи нас незаметно в тыл советской воинской части, за это будешь получать деньги. А не поведешь, – добавил он, похлопав по кобуре пистолета, – будешь получать пук, пук.

Задумался Матвей Кузьмич: что делать? Согласиться – значит сохранить себе жизнь ценой предательства, отказаться – пропадешь ни за что ни про что.

Когда увидел старый колхозник, что Василию удалось незаметно скрыться, выбраться из деревни, у него сразу созрел в голове план: затянуть время, поторговаться для отвода глаз, чтобы Василий успел добраться до ближайшей нашей части и предупредить об опасности. О том, что сын так и поступит, у него сомнений не было. Они всегда понимали друг друга с полуслова, а иногда и без слов, поняли и на этот раз.

Матвей Кузьмич медлил, раздумывал, просил «накинуть» лишнюю тыщенку, а наконец, сказал, потеревив сивую бороду: – Ну, что ж, согласен. Пошли. Проведу вас такими местами, где еще никто не ходил.

До деревни, куда нужно было попасть разведывательному отряду гитлеровцев, не больше часа ходьбы, если идти напрямую, но дед Матвей взял круто в сторону и повел вражеских разведчиков на Малкино, по оврагам, заваленным снегом, по кустарникам, замерзшим болотинам и кручам.

Солдаты часто останавливались, чтобы отдышаться, офицер тыкал в нос Кузьмину карту и угрожающе брался за пистолет: «Смотри, мол, не туда приведешь – сразу капут тебе».

А дед Матвей помалкивал и делал вид: ничего не вижу, ничего не слышу. Идите за мной, не отставайте.

(Продолжение следует)

А.В. ФИЛИМОНОВ

По материалам «Великолукского вестника» (Краеведческий альманах № 11)